

В. М. ВОЛИН

Неизвестная революция

<Фрагменты>

<...>

Отрицательные результаты русской Революции были лишь завершением вполне определенного процесса. А сталинский режим — только неизбежный итог, к которому привели действия Ленина и самого Троцкого.

То, что Троцкий называет «предательством»¹, на самом деле является фатальным результатом постепенного перерождения, вызванного ошибочной практикой.

Именно: правительственная и государственная практика ведет к «предательству», то есть к краху, который делает возможным «предательство». Другие методы привели бы к иным результатам.

В своей слепой пристрастности (или, скорее, из неосознанного лицемерия) Троцкий впадает в самую банальную путаницу, для него непростительную: он путает причины и следствия.

Грубо ошибаясь (или, вероятнее всего, делая вид, что ошибается, поскольку не имеет других возможностей обосновать свою позицию), он принимает следствие («предательство» Сталина) за причину. Ошибка — или, скорее, маневр, — позволяющая ему уйти от основной проблемы: как сталинизм оказался возможен?

«Сталин предал Революцию»... Это очень просто! Даже слишком просто для объяснения чего бы то ни было².

Объяснение, однако, лежит на поверхности: «сталинизм» явился естественным следствием краха подлинной Революции, а не наоборот; а крах Революции стал закономерным итогом неверного пути, который избрали большевики.

Иными словами: именно перерождение пошедшей по неверному пути Революции вызвало Сталина, а вовсе не Сталин переродил Революцию.

Добавим, что, уже пораженный болезнью, революционный организм мог бы успешно сопротивляться ей при условии свобод-

ной деятельности масс; но большевики, руководимые Лениным и самим Троцким, лишили его всех средств защиты: болезнь неизбежно должна была охватить его целиком и погубить.

«Предательство» стало возможным, ибо трудящиеся массы не выступили ни против его подготовки, ни против его совершения. Не выступили потому, что, полностью поработанные новыми хозяевами, быстро лишились как понимания подлинной Революции, так и всякого духа инициативы, свободной деятельности. Скованные, угнетенные, они понимали бесполезность — что я говорю? — невозможность сопротивления. Троцкий лично внес вклад в возрождение в массах духа слепого повиновения, мрачного безразличия по отношению ко всему, что происходит «наверху». Это «Вождам» удалось. Народ был побежден, и надолго. Отныне стало возможным любое «предательство».

<...>

Приказ о нападении был отдан лично Троцким³. Мог ли он терпеть, чтобы рядом с «его государством» существовал независимый район? Мог ли он смирить гнев и ненависть, когда слышал откровенные слова свободного народа, который в своих газетах говорил о нем без страха и уважения как о простом государственном чиновнике — о нем, великом Троцком, «сверхчеловеке», как его до сих пор еще называют его единомышленники во Франции и других странах?

Этот ограниченный, но безмерно гордый и злой человек, хороший полемист и оратор, ставший — благодаря ошибкам Революции — «непоколебимым» военным диктатором огромной страны, этот «полубог» — мог ли он терпеть соседство свободного народа, на который оказывали влияние, которому помогали «анархо-бандиты», те, кого он считал своими личными врагами и соответственно с ними обращался?

Впрочем, всякий «государственный деятель», всякий социалистический «управленец», даже менее претенциозный и злобный, поступил бы точно так же. Не следует забывать, что действовал Троцкий в полном согласии с *Лениным*.

